

Александр Гарцев

Сопромат

18+

Александр Гарцев

Сопромат

«Автор»

2026

Гарцев А.

Сопромат / А. Гарцев — «Автор», 2026

«Сопромат» — это книга, которую хочется перечитывать. Она о нас, о нашей жизни, о том, как трудно оставаться человеком, когда вокруг — грязь. Но она и о том, что даже в самой тёмной ночи можно найти звёзды — если не бояться поднять голову. «Сопромат» - это психологический триллер с элементами социальной драмы и детектива, разворачивающийся в провинциальной России 2020-х годов. В центре сюжета — не столько расследование преступления, сколько эволюция героя, его превращение из «маленького человека» в игрока, способного добиваться справедливости.

© Гарцев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Черёмушки	7
Глава 2. Парк аттракционов	10
Глава 3. Ужин у Шаховского	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Александр Гарцев

Сопромат

От автора

Обычно я не пишу вступление «От автора» для своих произведений, написанных в жанре «боевик».

Динамичный сюжет, неожиданные и захватывающие повороты в судьбах героев не предполагают к этому, а тем более к пространным авторским рассуждениям в тексте повести.

Не до этого читателю. Успеть бы уследить за крутым сюжетом

Но здесь у меня получился боевик с элементами социального детектива.

А это уже другой жанр.

Альбер Камю однажды сказал: «В глубине зимы я наконец понял, что во мне таится неистребимое лето». Эта фраза стала для меня путеводной звездой. Ведь в каждом из нас, даже в самые тёмные времена, есть что-то, что не поддаётся холоду и отчаянию. Что-то, что мы называем совестью, душой или просто — человечностью. Но что это? И как нам до него добраться, когда вокруг — снег, холод и равнодушие?

Современный мир жесток. И примитивен. Мы знаем это не понаслышке: мы смотрим кино, мы видим, как коррупция становится нормой, как жадность побеждает честность, как страх заставляет людей молчать, когда нужно кричать.

Мы живём в эпоху, когда правду можно купить, а ложь — продать.

Мы научились измерять человеческое достоинство в денежных эквивалентах и оценивать совесть по шкале выгоды.

Но есть ли в этом смысл?

Эрих Фромм, которого я перечитываю каждый раз, когда теряю веру, писал: «Человек — единственное существо, которое может скучать по себе, которое может быть недовольно собой, которое может страдать от того, что оно не является тем, чем могло бы быть».

И это, на мой взгляд, самое точное определение нашей трагедии.

Мы постоянно находимся в разрыве между тем, кто мы есть, и тем, кем мы могли бы стать. И этот разрыв — источник нашей боли, но также и источник нашей силы.

Франц Кафка, который так точно описывал абсурд бюрократии, однажды заметил: «Путь к истине — это не дорога, а лабиринт. И единственный способ пройти его — не бояться потеряться».

И это действительно так. Мы идём по жизни, не зная, куда приведёт нас следующий шаг. Мы ошибаемся, падаем, встаём и продолжаем идти.

И только в этом движении, в этом поиске себя и есть наша человечность.

Но есть и другая сторона медали. Современная философия, особенно в лице таких мыслителей, как Байяр и Хабермас, учит нас, что истина не существует в вакууме.

Она рождается в диалоге, в столкновении мнений, в борьбе за неё.

И эта борьба — единственное, что отличает человека от машины. Мы не просто реагируем на стимулы — мы осмысливаем их, переживаем их, превращаем в опыт.

Мне хочется верить, что эта история станет зеркалом, в котором читатель увидит себя и задаст те же вопросы, которые я задавал себе.

Что она напомнит нам: за каждым поступком стоит человек. За каждой ошибкой — прощение. За каждой болью — надежда.

Ведь правда, как писал Александр Солженицын, «не только делает нас свободными, она делает нас людьми».

И это главное.
Автор

Глава 1. Черёмушки

Воняло жжёной проводкой и мокрыми носками. Это был запах общаги на улице Гагарина, дом 17, корпус «Б». Запах, который Саша Громов ненавидел всей своей деревенской душой, но который за два года стал для него таким же привычным, как запах прелого сена в родных Верхних Лужках.

Будильник на старом телефоне затрясся в пятый раз, сбрасывая со стакана остывший чай. Саша повернулся на бок, уткнулся носом в подушку, которая пахла чужим потом и стиральным порошком «Лотос», и попытался провалиться обратно в сон. Но не получилось. Мешала мысль.

Вчера. Автобус.

Он закрыл глаза, и картинка всплыла сама собой: теснота, запах сырых курток, чьи-то сумки, бьющие по ногам. И она. Людка Шаховская стояла в проходе, держась за поручень, и смеялась. Не над ним — просто так, над какой-то ерундой, которую сказала её подруга Светка. Смеялась звонко, с хрипотцой, откинув голову назад. В свете заходящего солнца её волосы казались рыжими, хотя на самом деле были тёмно-русыми.

Саша стоял в двух метрах, вжавшись в холодный пластик сиденья, и смотрел на неё. Не как баран на новые ворота, а как на что-то невероятно красивое и чужое. Как на картинку из журнала, который никогда не купишь в сельпо.

И тут она обернулась. Посмотрела прямо на него. Улыбнулась. И когда Саша уже открыл рот, чтобы сказать — он сам не знал что, — автобус дёрнулся, и она врезалась спиной в стойку. Визгнула, но не обиженно, а весело, и крикнула: «Эй, Громов! Ты чего не держишься? Сва-лишься же!»

Он тогда сглотнул. Прокашлялся. И ответил. Своим обычным голосом — тихим, с западающими на «р» звуками и противными паузами в самом начале фразы.

— Я... я д-держусь.

Она рассмеялась снова. Не зло, а удивлённо, будто услышала что-то забавное. И в тот момент Саша понял две вещи. Первая: она его заметила. Вторая: заметила она его как забавного зверька — из серии «какой смешной этот парень из деревни».

С тех пор прошло четырнадцать часов, а он всё лежал на продавленной кровати и пережёвывал этот момент. Он уже сто раз придумал ответ, который не заикался бы, был бы остроумным и даже дерзким. Но в реальности сказал только «я... я д-держусь».

— Ты когда вставать-то будешь, Александр? — раздался голос от двери.

Саша приоткрыл один глаз. В проёме стоял его сосед по комнате, Эдик, по кличке Картоха, в одной трусах и майке с надписью «Metallica», которая была ему на два размера мала. Эдик был похож на добродушного медвежонка: круглый, лохматый, вечно сонный.

— Ты вчера п... пришёл, — прохрипел Саша, садясь на кровати. — Где... где ты был?

— В гостях. — Эдик хитро подмигнул. — У Ритки из второго корпуса. Она такая... ну, ты понял.

Саша не понял. Он вообще с трудом понимал городскую жизнь, где люди могли вот так просто — «пойти в гости» к незнакомой девушке, остаться на ночь, а утром даже не знать её отчества.

Он натянул джинсы, которые висели на спинке стула уже третью неделю, и подошёл к маленькому мутному зеркалу над раковиной. На него глянул парень с русой щетиной, которую он пытался сбрить раз в три дня, но всегда оставлял подбородок в мелких красных точках. Глаза — серо-зелёные, уставшие. Под левой бровью — крошечный шрам, доставшийся ещё с тех пор, как он упал с велика в седьмом классе.

- Хм. — усмехнулся он. — Настоящий Сопромат.

Эта кличка «Сашка – сопромат» приклеилась к нему после того, как на нескольких первых лекциях по предмету «Материаловедение. Соппротивление материалов» он, куда – то терял свое привычное всем заикание и чеканил ответы препода, так что вся группа замирала.

И в трудные минуты преподавательской грозы, когда ощущалась гроза повсеместного опроса на семинаре, ему шептали: «Сашка выручай!»

И он «выручал». А кличка? Ну что кличка? Сопромат, так сопромат.

— Эй, Соппромат, - продолжал ехидничать Эдик, - , ты вчера в автобусе с Шаховской говорил. Я видел. Она улыбалась тебе. Ты ей, глядишь, приглянулся.

Саша намылил лицо дешёвым гелем «Чистая линия», который жёг кожу, и начал бриться. Легко заикаясь, он пробормотал:

— Она... она не мо... не моя. Она городская. Она для... для таких, как Карась.

Эдик скривился, услышав это имя.

— Карась — козёл. И он на неё глаз кладёт, это да. Но ты, главное, не теряйся, а? Ты парень свой. Сво-ой. — Он сказал это с растяжкой, как будто объяснял ребёнку прописную истину.

Саша промолчал. Вытер лицо полотенцем, которое пахло плесенью, и посмотрел на свои руки. Длинные пальцы, которые могли бы играть на фортепиано или собирать сложную технику. Они не боялись масла и грязи. Но они дрожали, когда он пытался сказать «Люда, ты очень красивая».

В кармане куртки зазвонил телефон. Старенький «кнопочник» с треснутым дисплеем. На экране высветился номер: «Денис».

— З... здравствуй, — сказал Саша, нажимая кнопку ответа.

— Саша, привет, — голос Дениса Кузнецова был низким, хрипловатым — как будто он курил с рождения, хотя курить он бросил полгода назад. — Ты на парах сегодня?

— На... на вторую п-пару п-п... пойду.

— Я к тебе после занятий заеду. Есть разговор.

— О чём?

— О деле, Саш. Про котельную в Затоне. Ты же читал новости?

Саша замер. В Затоне. Взрыв. Двое погибших. Он читал, но когда Денис звонил с таким голосом — значит, что-то серьёзное.

— Ч-читал, — осторожно сказал Саша.

— Вот и отлично. Ты же из тех краёв? Я помню, ты говорил, что твой отец там возил лес.

— Из Верхних Луж... Лужков. З-затон — рядом. Там м... мой сосед работал.

В трубке на пару секунд воцарилась тишина. Саша слышал только дыхание Дениса и шум улицы на том конце — сирены, гудки, далёкий крик торговли с рынка.

— Сосед? — переспросил Денис. — Как фамилия?

— К-кузнецов, — ответил Саша и тут же почувствовал, как в горле пересохло. — Коля К-кузнецов. Он... он погиб?

Денис промолчал слишком долго.

— Саш, приезжай. Я расскажу. Только никому не говори. Даже Эдику.

Связь оборвалась.

Саша опустил телефон и устался в стену. На ней висел дешёвый постер с оленями, который он привёз из дома — как напоминание о лесной глуши. Теперь, глядя на него, он не чувствовал тоски. Чувствовал что-то другое. Тяжесть, которая опустилась в желудок и не хотела уходить.

— Ты чего побелел? — спросил Эдик, жуя сухари.

— Д-друг з-звонил, — сказал Саша. — Он... он в п-полиции.

— Из-за чего? — Эдик перестал жевать.

— Из-за вз... — Саша запнулся. — Из-за котельной.

Эдик выругался матом, швырнул сухари на стол и вытер руки о майку.

— Опять эти новости. Братан, ты только не ввязывайся, слышишь? У нас здесь своя жизнь, свои тараканы. А там... там мёртвые. Ты что, их воскресишь?

Саша не ответил. Он надел потёртую куртку, сунул в рюкзак тетради и пару яблок, оставшихся от маминой посылки. И только у двери, уже взявшись за ручку, остановился.

— Эдик, — сказал он, не оборачиваясь.

— Ась?

— С-скажи... если бы ты узн... узнал, что кто-то из твоих... из твоих близких п-погиб из-за чужой ж-жадности... что бы ты сд-делал?

Эдик задумался. Почесал круглый затылок.

— Ну... пошёл бы и сказал мусорам. — Он пожал плечами. — Это же их работа. А ты сам — не суйся. Тебе Людку ещё покорять, забыл?

Саша усмехнулся. Горько, совсем без веселья.

— Людку... — повторил он. — У неё, может, отец... он того... замешан. Т-ты знаешь, кто её отец?

Эдик вылупил глаза, и сухари выпали у него изо рта.

— Ты чё, Саш? Шаховский? Тот самый Виктор Сергеевич? Депутат?

— Он... он самый.

Саша открыл дверь, и в коридор ворвался запах тушёнки и сырости. За спиной он услышал испуганный голос Эдика:

— Саш! Саша, стой! Ты с ума сошёл? Это же... это же Шаховский!

Но Саша уже не слушал. Он шёл по коридору, и шаги его гулко стучали по обшарпанному линолеуму. В голове вертелась одна единственная фраза, которую он не сказал вслух только потому, что она не заикалась:

«Я не хочу быть как все. Я хочу знать правду. Даже если она меня сожрёт».

За окном моросил мелкий, пронизывающий до костей дождь. Зареченск накрыло серое, мутное утро. И где-то на другом конце города, в стеклянном кабинете на пятом этаже, Виктор Сергеевич Шаховский смотрел на телефон, который не переставал звонить. Он знал, что звонят из прокуратуры. И он знал, что первая глава этой истории только началась.

Глава 2. Парк аттракционов

Дождь к обеду кончился, но небо осталось тяжёлым, свинцовым — будто кто-то накрыл Зареченск гигантской мокрой ватой. Саша вышел из техникума последним, когда группа уже разбежалась по своим делам: кто в столовую, кто в курилку, кто просто подышать воздухом после лекции по сопромату.

Он не пошёл в столовую. Он стоял под козырьком у входа и смотрел, как капли стекают с жестяного листа, падая в грязную лужу. Каждая капля — как секунда. Каждая секунда — как вопрос, на который у него не было ответа.

Коля Кузнецов. Сосед. Погиб.

Денис сказал: «Приезжай». Но не сказал, когда. И не сказал, что именно знает. Саша прокручивал в голове всевозможные варианты: может, это просто несчастный случай, а Денис накручивает? Может, он сам не хочет в это лезть, потому что Шаховский — депутат, а депутатов не трогают?

Мысли прервал звонкий голос:

— Громов! А ты чего здесь торчишь?

Он вздрогнул и обернулся. Люда стояла в пяти шагах, держа в руках какую-то ярко-розовую папку и улыбаясь той самой улыбкой — с хрипотцой, с хитринкой, с лёгким вызовом. На ней была короткая клетчатая куртка, джинсы с вышивкой на карманах и ярко-красные кроссовки, которые Саша сразу же возненавидел — потому что они были слишком новые, слишком «городские».

— Я... я ж-жду, — сказал он и тут же мысленно ударил себя по голове. «Жду»? Чего жду? Её? Он закашлялся и поправился: — Т-то есть я ... я д-думал.

— О чём? — Люда подошла ближе, остановилась в метре и заглянула ему в глаза. Это было трудно — выдержать этот взгляд. У неё глаза были карие, почти чёрные, с длинными ресницами. Они смотрели прямо, без страха.

— О... о по-погоде, — соврал Саша.

Она рассмеялась. Не громко, а коротко, будто услышала хорошую шутку.

— Ты смешной, Громов. — Она поправила лямку рюкзака. — Слушай, пошли со мной. Я хочу в «Луна-парк». Там сегодня последний день сезона, а я ни разу не была.

Он онемел.

— К-как?

— В парк аттракционов, Громов. Ну, знаешь, колесо обозрения, карусели, сахарная вата. Всё по-настоящему. Там, говорят, даже американские горки есть — правда, старые, но я хочу прокатиться.

— Но... но он... — начал Саша и запнулся. — Он р-работает?

Люда нахмурилась, и на мгновение он увидел в ней капризного ребёнка, привыкшего получать всё, что она хочет.

— Какая разница? Мы просто посмотрим. А если кто-то скажет, что закрыто, мы скажем, что мы — особенные.

Она взяла его за рукав куртки — легко, почти невесомо, — и потянула в сторону остановки. Саша поддался. Он поддался, потому что её пальцы касались его запястья, и в этом прикосновении не было ничего пошлого или игривого. Было нечто детское, доверительное. Как будто она вела его не в парк, а в свою собственную тайну.

Автобус оказался полупустым. Люда села у окна, а он сел рядом — на расстоянии одной сумки, которую он положил на колени как барьер. Она молчала, глядя в окно, а он украдкой разглядывал её профиль: аккуратный нос, чуть вздёрнутый, как у Ксюши Собчак в тех старых шоу, которые они смотрели по телеку в сельском клубе; тонкая шея, которую обнимал шарф

с оленями, купленный, наверное, в переходе; и родинка на левой щеке, которую он заметил только сейчас.

Она поймала его взгляд.

— Что пялишься?

— Н-ничего, — сказал он, быстро отвернувшись.

— Ты всегда так смотришь на девушек? — спросила она с улыбкой.

— Я... не... я не с-смотрю, — заикнулся Саша и покраснел до корней волос.

Она рассмеялась — и на этот раз в её смехе было что-то тёплое, без издевки. И Саша вдруг подумал, что, может быть, она не такая, как все городские. Может быть, внутри неё тоже есть что-то «деревенское» — просто она это прячет за яркими кроссовками и капризным голосом.

Через двадцать минут они стояли у входа в «Луна-парк». Чугунные ворота были открыты, и за ними открывалось пространство, которое можно было назвать парком только по привычке. Асфальт потрескался, фонари стояли криво, а на столбах висели облезлые плакаты с улыбающимися клоунами, от вида которых становилось не по себе. Ни одного человека. Ни охранника, ни продавца билетов. Только ветер гонял пустые стаканы по аллее, ведущей к гигантскому колесу обозрения.

— Он закрыт, — сказал Саша, чувствуя облегчение.

— Ну и что? Мы же не билеты покупать пришли. — Люда уже шла вперёд, и Саша поспешил за ней.

Они прошли мимо комнаты смеха, где на двери красовалась надпись «Закрыто на реконструкцию», мимо тира, в котором мишени прогнили, и остановились у старой карусели — с деревянными лошадками, покрытыми сеткой ржавчины. Люда подошла к одной из них, потрогала ухо.

— Она всё ещё красивая, — сказала она тихо. — Представляешь, сколько детей здесь каталось? Смеялись, кричали, объедались мороженым. А теперь...

Она замолчала, и Саша не нашёл, что ответить. Вместо этого он подошёл к пульту управления, который был накрыт полиэтиленом, и провёл по нему рукой. Под плёнкой горела маленькая зелёная лампочка.

— С-смотри, — сказал он. — Он... он р-работает.

Люда подбежала к нему. Её глаза загорелись, как у ребёнка, который нашёл потерянную игрушку.

— Включи!

— Я не... не знаю, как.

— Нажми что-нибудь!

Саша взялся за рычаг, покрытый слоем пыли, и дёрнул его вниз. Карусель издала скрежет, потом гудок, и медленно, с протестующим скрипом, начала вращаться. Лошадки задвигались вверх-вниз, и одна из них — та, к которой прикасалась Люда, — качнулась из стороны в сторону.

— Ура! — закричала Люда и запрыгнула на лошадку, которая была похожа на вороного жеребца. — Саша, садись на ту! — она махнула рукой на соседнюю лошадь.

Саша послушно сел. И в тот же миг карусель дёрнулась, заскрежетала металлом и остановилась так резко, что его ударило грудью о деревянную морду лошади. Он успел выставить руку, чтобы не упасть, и услышал, как Люда ахнула.

Её лошадь накренилась вправо и застыла под углом — и она сама, не успев ухватиться, начала сползать. Саша среагировал раньше, чем подумал. Он вскочил, шагнул к ней, поймал за талию и рывком выдернул из седла за секунду до того, как лошадь с грохотом рухнула вниз, сломав деревянную ногу.

Они оба упали на асфальт, но Саша успел подставить спину, так что она приземлилась ему на грудь. Он ударился затылком о твёрдую землю, и на секунду перед глазами заплескали белые точки.

Люда лежала на нём, тяжело дыша. Её волосы щекотали его лицо. Она смотрела на него сверху вниз, и в её глазах был испуг, смешанный с чем-то другим, чего он не мог понять.

— Ты... ты меня спас, — прошептала она.

— Я... я... — начал он, но она перебила его, коснувшись его губ своими.

Поцелуй был быстрым и неуклюжим, почти детским. Но он был настоящим. Саша почувствовал вкус её помады — вишнёвый, с привкусом сладости, — и забыл, как дышать. Ему казалось, что сердце выскочит из груди и разобьётся о старую карусель.

Когда она отстранилась, щёки её горели.

— Прости, — сказала она. — Я не знаю, зачем это сделала. Ты просто...

— Всё х-хорошо, — выдохнул Саша. — Я... я не п-против.

Она засмеялась — нервно, срывающимся голосом, — и встала, протянув ему руку. Он взял её ладонь, тёплую и тонкую, и поднялся. В голове гудело. На затылке наливалась шишка. Но он не чувствовал боли — только странное, пьяное счастье.

— Пошли отсюда, — сказала Люда, осматривая сломанную карусель. — А то прибежит какой-нибудь сторож и устроит скандал.

Они пошли обратно, и Саша заметил, что она держится за его руку — не за рукав, а за руку. Пальцы переплетены. Он шёл и боялся пошевелиться, чтобы не спугнуть это чудо.

У ворот они остановились. Люда отпустила его руку, застегнула молнию куртки и обернулась, глядя на него серьёзно.

— Слушай, Громов, — сказала она. — Ты не такой, как все. Я тебя видела в автобусе. Ты... ты смотришь по-другому. Будто всё запоминаешь. Даже мелочи.

— Я... я зап-помнил твою р-родинку, — неожиданно для себя сказал он.

Она улыбнулась. Тёпло. Без игривости.

— Это хорошо, — сказала она. — Приходи сегодня к нам домой. Ужин. Папа будет рад. Он любит умных ребят.

Саша онемел. Он хотел сказать «я не умный», «я деревенщина», «я заикаюсь», — но вместо этого сказал лишь:

— Я... я п-приду.

Она улыбнулась, быстро чмокнула его в щёку и убежала в сторону остановки. Саша стоял у ворот, глядя ей вслед, и чувствовал, как мир перевернулся.

Но где-то на задворках сознания билась тревожная мысль: «Отец. Её отец. Шаховский. Тот самый. Коля Кузнецов погиб по его вине».

Он вытащил телефон и набрал номер Дениса. Трубку не взяли. Саша сбросил и написал СМС: «Я встретился с его дочерью. Она пригласила меня к ним домой. Что мне делать?».

Ответ пришёл через три минуты:

«Иди. Но будь осторожен. Я приеду завтра утром. Не подписывай никаких бумаг и не пей их вино. Это важно».

Саша убрал телефон в карман и посмотрел на затянутое тучами небо. Где-то там, над верхушками старых тополей, пробивался луч солнца — последний, уходящий в сумерки. Он подумал: «Может, я иду в ловушку. Но если это ловушка — значит, я всё делаю правильно».

Глава 3. Ужин у Шаховского

Конец сентября. Закат над Зареченском разлился ржавым маслом — оранжево-бурые разводы на свинцовом небе. Пахло прелыми листьями и выхлопными газами. Над набережной тянулся шлейф тумана, в котором тонули верхушки старых тополей. Город казался выцветшей фотографией, на которой кто-то неумело подрисовал огни новостроек.

Дом Шаховского стоял в самом конце улицы Ленина — трёхэтажный особняк из красного кирпича, стилизованный под русский модерн. По периметру — высокий кованый забор с острыми пиками. За ним — тёмный сад, где даже в сумерках угадывался чужой, опасный порядок: подстриженные туи, ровные дорожки из плитки, фонари, похожие на канделябры. Казалось, здесь каждый куст знает своё место и не смеет шевелиться без команды.

Саша стоял у калитки, переминаясь с ноги на ногу. В руках он сжимал кулёк с яблоками — единственное, что нашёл по дороге. Мама всегда учила: «В гости не ходят с пустыми руками, даже если там сам президент». Он нажал на кнопку домофона, и динамик хрипло рявкнул:

— Слушаю.

— Я... я к Л-люде. Я Саша.

— Проходи, — ответили без приветствия. Ворота открылись с тихим жужжанием.

Он прошёл по гравийной дорожке, стараясь не смотреть по сторонам. Входная дверь была массивной, дубовой, с окном из витражного стекла. Саша разглядел в нём голубого павлина, и у него почему-то перехватило дыхание.

Дверь открыл дворецкий — сухонький старичок в жилетке с золотыми цепочками. Он молча кивнул, принимая яблоки, и жестом пригласил внутрь.

Прихожая была размером со всю его общагу. Паркетный пол, хрустальная люстра, на стене — зеркало в резной раме, отражавшее массивную вешалку, на которой висели пальто, шарфы и плащи, стоившие больше, чем Сашина стипендия за год.

— Саша! — раздался голос Люды, и она появилась на лестнице. На ней было простое чёрное платье, а в волосах — заколка с искусственным жемчугом. Она улыбнулась, спустилась и поцеловала его в щёку — совершенно естественно, будто они были знакомы сто лет. — Проходи, папа уже в столовой.

— Я... я п-принёс яб-яблоки, — сказал Саша, кивая на дворецкого.

— Александр, — раздался голос из глубины коридора. — Вы очень предусмотрительны. Ваша мама вас правильно воспитала.

Саша обернулся и увидел Виктора Сергеевича Шаховского. Тот стоял в дверном проёме, облокотившись на косяк, и смотрел на Сашу с лёгкой насмешкой. На нём был дорогой костюм с тонкой шерстяной тройкой, галстук, завязанный двойным узлом, и аккуратная седая бородка, придающая ему вид профессора или кинозлодея.

— Проходите на кухню, — сказал Шаховский, жестом приглашая Сашу. — На кухне, а не в гостиной. Потому что я говорю серьёзно, а за серьёзными разговорами лучше сидеть на кухне. Там и еда, и мысли ближе.

Саша вошёл на кухню, которая вновь поразила его размерами. Это была даже не кухня, а зал с огромной плитой из нержавеющей стали, мраморной столешницей и круглым дубовым столом, за которым могли сидеть человек двенадцать. На столе уже стояли тарелки с салатами, жареная утка в медовом соусе и что-то, что пахло так, что у Саши свело живот.

— Садись, Саша. Не стесняйся, — Шаховский указал на стул напротив себя. — Люда, налей нам чаю. Но сначала — немного коньяку. Для разговора по душам.

Люда кивнула, поставила перед отцом пузатый графин и себе налила сок. Она села рядом с Сашей, так близко, что её колено коснулось его ноги под столом. Он вздрогнул, но сделал вид, что не заметил.

— Ну, — начал Шаховский, разливая коньяк в рюмки. — Расскажи о себе, Александр. Откуда ты?

— Из В... Верхних Л-лужек, — ответил Саша, пытаясь говорить ровно. — Это з-за Затон. С-сто пятьдесят к-километров о-от города.

— Затон, говоришь? — Шаховский поднял бровь. — Слышал про Затон. Там недавно котельная взорвалась. Жуткое дело. Вы знали кого-то из погибших?

Саша почувствовал, как сердце сжалось в кулак. Он посмотрел на Людю, но она спокойно намазывала масло на кусок хлеба, не отрываясь от тарелки.

— З-знал, — сказал Саша тихо. — Одного. К-колю К-кузнецова. Он м... мой сосед б-был.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.